

2021

Аналитический бюллетень

ЦКЕМИ

Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля или перспективы решения конфликта

**Королев Александр
Стрельникова Ирина**

Об Авторах

Королев Александр Сергеевич – кандидат политических наук, научный сотрудник ЦКЕМИ НИУ ВШЭ

Стрельникова Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник НИУ ВШЭ

В международных отношениях территориальные споры всегда являлись и продолжают оставаться одним из ключевых источников конфликтов и сфер поиска и достижения необходимого компромисса и консенсуса между странами. На стыке конца XX–начала XX вв. особую известность и актуальность в этой области МО приобрели территориальные конфликты в сфере делимитации морских пространств в области Баренцева моря и Южно-Китайского моря. И если международный делимитационный вопрос в Баренцевом море в 2010 г.¹² после более чем пятидесяти лет затяжного конфликта был в определенной степени разрешен, то ситуация относительно спорных территорий в ЮКМ между странами АСЕАН и Китаем с каждым годом усложняется. Данный конфликт набирает свою остроту, поскольку его участники не могут договориться о принципиальных вопросах и воспользоваться инструментами международного права в той мере, в какой оно дает возможность это сделать.

Международно-правовой режим Южно-Китайского моря уже давно является камнем преткновения между странами АСЕАН и Китаем. Попытки урегулировать этот вопрос и договориться в международно-правовом и геополитическом форматах предпринимались странами АСЕАН не один десяток лет. Наиболее важным и одновременно показательным периодом с точки зрения способности стран «десятки» и КНР договориться между собой по проблеме ЮКМ были 1990-ые годы. Ключевым фактором для подобных дискуссий послужило укрепление экономического и военно-политического потенциала Китая в конце XX века. После того как в 1995 г. КНР оккупировала риф Мисчиф, который находился в исключительной экономической зоне Филиппин, Манила и Ханой настояли на необходимости выработки механизма противодействия китайской экспансии в Южно-Китайском море³.

Настойчивость Филиппин и Вьетнама привела к инициированию разработки Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, идея о котором была впервые озвучена в ходе 29 совещания министров иностранных дел АСЕАН в июле 1996 года⁴. В ходе 6-го саммита АСЕАН в Ханое в декабре 1998 г. было принято решение, о том, что Филиппины и Вьетнам берут на себя ответственность по разработке Кодекса⁵.

С самого начала обсуждений проект будущего договора встретил серьезное сопротивление со стороны ряда стран АСЕАН, прежде всего, Малайзии. Так, страна выступила против инициативы Вьетнама по включению в текст соглашения пункта о географическом охвате территориальной проблемы в ЮКМ, в частности, упоминания о Парасельских островах наряду с архипелагом Спратли. Вместо этого она настаивала на употреблении фразы «спорные районы в Южно-Китайском море»⁶. Помимо этого, Филиппины, будучи связанными союзническими обязательствами с США, стремились закрепить в Кодексе возможность внешнего вмешательства и оказания посреднических услуг, что также встретило сопротивление со стороны Малайзии⁷.

Малайзийская позиция по ЮКМ в дальнейшем была четко представлена во время визита министра иностранных дел Сайеда Хамид Албара в Пекин в мае 1999 года. Тогда было согласовано совместное заявление, в котором Малайзия одобрила подход КНР и призвала к двусторонним переговорам⁸. Аналогичное решение было

зафиксировано в «Дорожной карте будущего двустороннего взаимодействия», подписанной по итогам визита Махатхира Мохамеда в Пекин в августе 1999 года⁹.

Однако наибольший резонанс среди политических фигур стран АСЕАН вызвали заявления главы малайзийского МИД Сайеда Хамид Албара, сделанные на полях Совещания министров иностранных дел АСЕАН в Сингапуре в сентябре 1999 года. Он выступил против обсуждения проблемы ЮКМ в многостороннем формате в рамках Регионального форума АСЕАН и Совещания министров обороны АСЕАН, указав на опасность интернационализации данного вопроса.¹⁰

В ноябре 1999 г. в ходе неформального саммита АСЕАН Филиппины при поддержке Вьетнама предложили новую версию Кодекса. Отличительными чертами обновленного проекта стали призывы к совместному освоению архипелага Спратли, а также юридически обязывающий характер документа¹¹. Малайзия и КНР отвергли данную версию, заявив, что соглашение не должно иметь обязательную юридическую силу, затрагивать права сторон, упоминать географические названия территорий в ЮКМ, допускать внешнее вмешательство и апеллировать к проблеме суверенитета и территориальной целостности¹². В результате после долгих переговоров стороны договорились принять Декларацию вместо Кодекса, о чем было официально заявлено в рамках 8-го саммита АСЕАН в Камбодже в ноябре 2002 года¹³.

Однако принятый документ не стал реально работающим инструментом урегулирования территориальных споров между сторонами и, по своей сути, больше напоминает декларацию о намерениях. Бесплодность данных попыток была связана во многом с тем, что участвующие в конфликте страны пытались договориться лишь на местном уровне, тогда как международный оборот этот вопрос принял лишь после подачи Филиппинами иска против Китая в международный арбитражный суд в Гааге о нарушении КНР базовых норм и принципов Конвенции ООН по морскому праву 1982 году.

Таким образом, основными вехами в определении международно-правового режима ЮКМ и попытками урегулировать затянувшийся территориальный спор между АСЕАН и Китаем стало решение Гаагского Трибунала 2016 г., подписанная Декларация поведения сторон в ЮКМ и находящийся в процессе разработки и согласования Кодекс поведения сторон в ЮКМ. Проанализируем данные документы с правовой точки зрения и с точки зрения их

легитимности и попробуем выявить перспективы разрешения международного конфликта в ЮКМ.

Международно-правовой статус решений по ЮКМ

На протяжении большей части XX века территориальный спор в ЮКМ находился в пассивном состоянии, и начало активной стадии конфликта, как и во многих других аналогичных примерах, включая ситуацию в Баренцевом море, началось с обнаружения залежей углеводородов. Они тут же попали в зону интересов китайской стороны, провозгласившей с этого момента свои особые «исторические права» на спорные территории ЮКМ, включая те, которые с ратификации Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., уже не могли принадлежать КНР объективно в силу норм международного права.

22 января 2013 г. Министерство иностранных дел Республики Филиппины направило вербальную ноту Посольству КНР на Филиппинах, в которой говорится, что Филиппины представили Уведомление и Исковое заявление с целью инициирования обязательного арбитражного разбирательства в соответствии со статьей 287 и Приложением VII Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву («Конвенция») в отношении спора с Китаем о «морской юрисдикции» в Южно-Китайском море.¹⁴ 19 февраля 2013 г. правительство КНР отклонило и вернуло вербальную ноту Филиппин вместе с прилагаемым уведомлением и исковым заявлением, указав на свой категорический отказ от своего участия в данных разбирательствах¹⁵.

Суть претензий Филиппин заключалась в том, что территориальные морские претензии Китая в ЮКМ превышают то, что полагается всем странам, включая КНР, ратифицировавшим Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., а потому являются незаконными, а сами действия Пекина в ЮКМ носят экспансионистский характер. К торжеству международного права, необходимо отметить, что увидевшее свет 12 июля 2016 г. спустя более чем три года судебных разбирательств решение Гаагского трибунала было полностью легитимным и подтвердившим обоснованность требований Филиппин и нелегитимность действия китайской стороны в ЮКМ. Причина этого кроется в следующем. Как известно, в праве в целом и в международном праве, в частности, огромное значение имеют те аргументы, на которых стороны основывают свои требования или возражения. Для

подкрепления своей позиции Китай избрал три основных аргумента, на которых было построено все дело.

Первое, подписав в 2002 г. Декларацию поведения сторон в ЮКМ¹⁶ стороны, коими согласно документу, являются АСЕАН и Китай, должны были разрешать любые возникающие у них споры только в досудебном порядке, то есть, путем переговоров.

Второе, Гаагский трибунал не имеет компетенции на рассмотрение данного спора, поскольку он касается вопроса суверенитета Китая на территорию ЮКМ.

Наконец, третье, в данном деле, по мнению китайской стороны, вообще отсутствует предмет спора как таковой, поскольку деятельность КНР в ЮКМ, побудившая Филиппины подать иск, вовсе не является спорной. Напротив, она является прямой реализацией со стороны Китая его особых «исторических прав» на территорию ЮКМ.

Рассмотрим данные доводы китайской стороны. Прежде всего, необходимо отметить, что международно-правовое значение Декларации поведения сторон в ЮКМ с точки зрения ее конструктива невелико. По сути, она представляла собой вялую попытку хоть как-то навести мосты и продвинуться в попытках разобраться с многолетним конфликтом в ЮКМ. В качестве источников международного права можно встретить разные документы, включая и декларации в том числе. Но вся суть любого правового документа лежит не в самом его наличии, а в плоскости его содержания с позиции выполнения базовой регулятивной функции права. И именно в этом кроется основная проблема Декларации. Документ лишен правовой конкретики, каждая статья призывает решать вопросы в данной зоне посредством переговоров, но при этом сам спорный вопрос в ЮКМ данным международным документом не решает.

Действительно, согласно Декларации, стороны согласовали мирное, посредством переговоров, решение любых вопросов в ЮКМ. Однако статья 1 этой же Декларации, четко закрепляет, что стороны в процессе своей деятельности обязуются соблюдать базовые международные акты в обсуждаемой области, в числе которых Конвенция ООН по морскому праву¹⁷. Напомним, именно в несоблюдении норм и положений этой конвенции Филиппины обвинили Китай, что и послужило

предметом иска. Таким образом, сама Декларация отсылает стороны к Конвенции, и подписантом данной Декларации является наряду с АСЕАН сам Китай.

Далее, с точки зрения международного права, переговоры не являются единственным способом разрешения международных споров. Также как во внутреннем национальном праве нельзя запретить другой стороне обратиться в суд за защитой своего нарушенного права, если переговоры не привели к должному результату. Связано это с тем, что данное право является гарантированным любому участнику правоотношений и норма, его устанавливающая, является императивной, так и в международном праве, субъекты имеют гарантированное международным правом право на обращение в суд. На основании изложенного, не представляется возможным согласиться с первым аргументом китайской стороны.

Второй аргумент КНР также видится абсолютно несостоятельным. Предметом иска Филиппин стали не вопросы суверенитета как такового, на рассмотрение которых у Гаагского трибунала нет должной компетенции, а вопросы нарушения Китаем норм Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹⁸ ввиду их несоблюдения. В данных вопросах, согласно Статуту и регламенту Гаагского трибунала, суд компетентен принимать решения.

Наконец, апеллирование Пекина к своим «историческим правам» на территорию ЮКМ также не выдерживает никакой критики. По своей правовой природе «исторические права», на которые ссылается Китай, являются правовым обычаем, причем даже не международно-правовым, а внутренним. При этом КНР не смогла доказать длительное существование данного обычая и его общепризнанность международным сообществом.

В данном случае уместно провести параллель с похожей ситуацией, которая имеет место в Арктическом регионе и зоне Северного морского пути. Подобный прецедент с апелляцией к историческим правам сложился в этом регионе задолго до возникновения спорной ситуации в ЮКМ. Так, отстаивая свои позиции в Арктике, Россия и Канада также ссылаются на существование международного обычая, предусматривающего разграничение арктических территорий по особым секторам. Хотя сама Конвенция ООН прямо не закрепляет этого, существующие нормы международного права не исключают этого обычая. Общеизвестно, что в 1920-е гг. существовала норма международного права, согласно которой арктические территории распределялись по секторам по принципу их тяготения к

берегам Арктических государств. Это секторальное деление Арктики на момент его реализации не вызывало никаких возражений у других неарктических государств и было де-факто принято и являлось по своей природе международно-правовым обычаем до тех пор, пока развитие науки и техники не позволило государствам приступить к освоению природных ресурсов Арктики.

Причем в отличие от ситуации с «историческими правами» Китая на ЮКМ, в случае со спором за арктические пространства и исторические права России на них, существует масса доказательств того исторического обычая, на который ссылается Россия. Так, можно найти подтверждение тому, что еще с XVI века Россия начала официально заявлять о своих правах на северные земли и моря. В XVI-XVII веках московское правительство, исключительно исходя из своих политических соображений, установило режим плавания для всех торговых судов, плавающих в Карском море. Начиная с царских указов 1616-1620 гг., были установлены исключительные права России на торговлю и промысел водных биологических ресурсов в Арктическом регионе. Инструкция 1893 г. определяла, что «все бухты русского побережья Северного Ледовитого океана и все Белое море к югу от линий, соединяющих входные мысы, подпадают под суверенитет России»¹⁹.

Наконец, на законодательном уровне в 1926 г. был закреплён правовой режим СМП, который в течение многих лет оставался практически признанным международным сообществом после принятия Постановления Президиума Центрального исполнительного органа СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией СССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане»²⁰.

Применительно к ситуации в ЮКМ Китай не смог доказать существование у них каких-либо «исторических прав», как это было сделано в свое время Россией в обоснование своих прав на СМП и Арктику. Но даже если бы он и сумел это сделать, в иерархии источников права приоритетом обладают общепризнанные и ратифицированные нормы, принципы и договоры международного права, тогда как обычаи занимают последнее место и применяются только в отсутствии иных источников права. В данном случае Китай не только ратифицировал Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., но и привел свое внутреннее законодательство в соответствие с ней. И при любых противоречиях юридическую силу будут иметь

именно нормы и положения Конвенции, а не декларируемого КНР в одностороннем порядке внутреннего правового обычая в виде «исторических прав» на ЮКМ.

Кодекс поведения как панацея?

Страны АСЕАН, в особенности участники территориального спора в ЮКМ – Вьетнам, Малайзия, Филиппины и Бруней, – уже не один год на всех уровнях говорят о необходимости замены устаревшей Декларации 2002 г. на более продвинутой Кодекс поведения сторон, позиционируя его как «лекарство от всех болезней» в ЮКМ. И стоит признать, на этом направлении даже был достигнут прогресс – в 2018 г. был принят единый драфт документа. Казалось бы, принятие документа раньше запланированного срока внушает оптимизм и позволяет рассчитывать на успешный исход в обозримом будущем. Однако в целом, опираясь на историю переговоров по принятию Кодекса и расклад сил в регионе за последние пять лет, едва ли потенциальное подписание документа можно будет назвать панацеей. Тем более что перспективы принятия самого Кодекса по-прежнему туманны, особенно после очередных обострений в отношениях между КНР и странами-претендентами. В этом отношении стоит выделить несколько причин как технического, так и содержательного толка.

Начнем с того, что в 2018 г. при согласовании драфта КНР и АСЕАН поставили цель закончить переговоры по принятию Кодекса к 2021 году²¹. Участники «десятки» рассчитывали, что председательство Вьетнама в Ассоциации в 2020 г., одного из главных действующих лиц в споре, наиболее подходящий для этого расклад. Однако в реальности мы стали свидетелями очередных расстройств планов, которые помимо дежурных проблем связаны еще и с обрушившейся на весь мир пандемией коронавируса. COVID-19 практически на год заморозил переговоры по обсуждению Кодекса и увеличил количество скептических настроений по поводу его успешной финализации.

Однако даже если оставить за скобками рассогласованность действий из-за пандемии и представить успешное принятие Кодекса, есть серьезные опасения, что новый документ окажется очередной пустышкой по аналогии с Декларацией и решением Гаагского трибунала.

Во-первых, нынешний проект Кодекса не рассматривается сторонами в качестве инструмента разрешения территориальных споров или вопросов

делимитации морских пространств, что априори исключает возможность полноценного решения проблемы ЮКМ между КНР и АСЕАН²².

Во-вторых, ни в нынешней Декларации, ни в драфте Кодекса нет географических упоминаний территорий, за которые идут споры. Столь чувствительный для спорящих стран вопрос также не получил поддержки ни на уровне АСЕАН, ни со стороны КНР. Так, например, Вьетнам предложил, чтобы Кодекс применялся ко всем спорным объектам и морским районам, согласно Конвенции 1982 года. Индонезия в большей степени апеллировала к необходимости уважения исключительной экономической зоны и континентального шельфа прибрежных государств. Для Филиппин наиболее принципиальным моментом, как и годами ранее, была попытка продвинуть в Кодекс географические упоминания архипелага Спратли и рифа Скарборо²³. Однако КНР по понятным причинам не заинтересован в юридическом закреплении конкретных территорий в ЮКМ в качестве спорных, что «развязывает руки» Пекину в его деятельности в регионе.

В-третьих, до сих пор непонятно, как на практике будут решаться возникающие споры в ходе реализации Кодекса. До сих пор возникает логичный вопрос – как в принципе можно усадить Китай за стол переговоров и добиться от него уступок, если ни международные договоренности, ни двусторонние документы не предусматривают механизмы принуждения. Более того, отсутствуют какие-либо гарантии, что, достигнув соглашения, одна из сторон не будет нарушать договоренность, если решения не носят обязательного для всех подписантов характера, отсутствуют адекватные механизмы мониторинга и наказания в случае невыполнения условий сделки.

Стоит признать, что некоторые страны АСЕАН выступали с различными инициативами по усилению институциональных механизмов урегулирования споров. Например, Индонезия и Вьетнам предлагали при рассмотрении спорных вопросов обращаться к статье 14 Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 года. Данная статья предусматривает создание Высшего Совета в качестве постоянно действующего органа для урегулирования конфликтных ситуаций между странами-подписантами Договора.²⁴ Однако и здесь возникает ряд проблем.

Первая – за всю историю функционирования АСЕАН данный орган по разрешению споров на практике не был имплементирован, и нет никаких гарантий в

силу консенсусного метода принятия решений, что Южно-Китайское море станет полигоном для апробации деятельности Высшего Совета.

Вторая – с учетом правового статуса Договора 1976 г. решения Высшего Совета с учетом его потенциального запуска будут носить рекомендательный характер, а способы ведения переговоров будут сводиться лишь к добрым услугам, посредничеству и примирению, что, как показывает многолетняя практика развития событий в ЮКМ, в реальности едва ли способствует снижению конфликтного потенциала.

Третья – статья 16 Договора предусматривает, что положения 4 главы Договора «Мирное разрешение споров» не применяются к спору, если все его стороны не согласны быть участниками данного конфликта²⁵. Другими словами, если одна из стран-членов АСЕАН или Китай отказываются признавать свою вовлеченность в территориальный спор по ЮКМ, все положения договора, касающиеся способов разрешения конфликта, окажутся недействительными.

Со стороны АСЕАН поступают и более утопичные предложения, например, передать решение спора в случае провала переговоров между КНР и АСЕАН третьей стороне, но только с согласия всех участвующих сторон²⁶. Можем ли мы представить, что условный Вьетнам предлагает Индии или Японии поучаствовать в переговорах по урегулированию спорных вопросов, а Китай соглашается на такие условия? Или можно представить ситуацию, при которой США самоустранятся от всех процессов в ЮКМ, увидев соответствующий пункт в документе? Представляется, вопрос риторический и любые дискуссии на эту тему обречены на провал и вызовут в Пекине раздражение.

Помимо этого, Китай настаивает на том, чтобы все подписавшие будущий Кодекс стороны могли наложить вето на военно-морские учения с любым неподписавшим участником. Однако подобный сценарий неприемлем для стран АСЕАН, которые полагаются на отношения с внешними державами, прежде всего, США и Японию, чтобы уравновесить растущую мощь Китая²⁷.

Безусловно, большая часть этих вопросов лежит в плоскости искусства ведения переговоров и достижения консенсуса между сторонами. Однако здесь мы в очередной раз должны констатировать отсутствие единства внутри самой АСЕАН. Представляется, что за последние пять лет внутренний раскол только усилился. Это связано как с неспособностью стран решить чувствительные для себя «домашние»

вопросы — пиратство, терроризм в ЮВА, кризис в Мьянме и т.д., так и «внешние» — выстраивание отношений с ведущими державами в регионе — США и КНР, переговорная позиция АСЕАН в отношении Китая по проблеме ЮКМ. Еще свеж в памяти репутационный и содержательный провал Ассоциации, когда в 2012 г. Камбоджа явно под давлением Пекина заблокировала принятие итогового заявления по ЮКМ, чем шокировала остальных участников объединения, а позже, в 2016 г., в год Гаагского вердикта провернула аналогичный маневр²⁸. Учитывая еще большую напористость Поднебесной, уязвимость АСЕАН и ее отдельных членов, шансы на повторение в будущем «камбоджийского сценария» растут.

Таким образом, на основании предложенного международно-правового анализа затяжного конфликта в ЮКМ, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, решение Гаагского трибунала от 12 июля 2016 г. действительно имело большое значение и явилось важным событием в эволюции международно-правового конфликта в ЮКМ. Оно было вынесено со строгим соблюдением норм и принципов международного права, и провозгласило необходимость их соблюдения в спорном регионе в лице Конвенции ООН по морскому праву 1982. На основании этого решения любые притязания КНР на ЮКМ со ссылкой на их особые «исторические права», не имеют никакого правового значения и являются незаконными.

При этом с практической точки зрения дела обстоят совершенно иначе. Сразу после оглашения вердикта Китай отверг решение Гааги. Некоторые страны АСЕАН, включая участников территориального спора, Малайзию и Бруней, прямо не поддержали решение Гааги, ограничившись аккуратными формулировками МИДа и призывами соблюдать Конвенцию по морскому праву 1982 года²⁹. А сам Гаагский трибунал не имеет никаких реальных рычагов принуждения и наказания Китая за свои наступательные действия в Южно-Китайском море.

Как результат, «историческое» решение, которое войдет в учебники по международному морскому праву, на деле оказалось пустышкой. Характерно, что действующий президент Филиппин Родриго Дутерте впоследствии охарактеризовал решение трибунала как «клочок бумаги, который можно выбросить в мусорку»³⁰. Действительно, о каких результатах может идти речь, если вынесение вердикта не только не приблизило стороны к решению многолетнего конфликта, а лишь

разозлило КНР и привело к дальнейшей эскалации региональной напряженности. Но именно в этом и заключается основной практический результат вердикта.

Особенно это стало очевидно с приходом в США к власти Д. Трампа, который, еще будучи кандидатом в президенты в 2016 г., критиковал односторонние действия Китая в ЮКМ и обещал в случае победы оказать более массированное давление на КНР. Отчасти, публичное игнорирование результатов Гаагского трибунала со стороны КНР помогло Вашингтону и его союзникам окончательно убедиться в бесперспективности попыток договориться с КНР по в ЮКМ и перейти к более жестким методам.

По сути, это мы и наблюдали на протяжении всей президентской кампании Трампа, который вместе с другими странами-единомышленниками – Индией, Японией и Австралией запустил обновленный формат сдерживания Пекина в виде Индо-Тихоокеанской стратегии и Четырехстороннего оборонного формата (QUAD), в частности.

Что касается АСЕАН, то многие ее участники после 2016 г. постепенно стали отказываться от своей традиционной «тихой дипломатии» в ЮКМ в отношении КНР и перешли к открытой критике Китая. Не случайно, что именно после Гаагского решения участились случаи подачи странами АСЕАН официальных запросов в Комиссию ООН по границам континентального шельфа с просьбой определить границы своего континентального шельфа за пределами своей исключительной экономической зоны³¹.

Во-вторых, данное решение показало полную недееспособность Декларации поведению сторон в ЮКМ 2002 г. и документов подобных ей. На повестку дня остро встал вопрос изменения подхода к решению данного вопроса как с позиции международно-политических, так и с позиции правовых инструментов. Поэтому можно утверждать, что если происходящая в настоящее время разработка Кодекса поведения пойдет по пути Декларации 2002 г., которую отличает полное отсутствие регулятивного потенциала, то впереди нас ждет, возможно, еще не один иск в Гаагский трибунал со стороны стран АСЕАН против Китая. При этом спорная ситуация также не приведет к каким-либо практическим результатам, поскольку, даже имея вступившую в законную силу решение суда, Филиппины никак не могут повлиять на его исполнение китайской стороной. Причина проста – каким бы ни

было эффективным регулятором международных отношений международное право, у него есть один существенный недостаток – отсутствие механизма принуждения.

Подводя итог, необходимо особо подчеркнуть, что для того, чтобы территориальный конфликт в ЮКМ между странами АСЕАН и Китаем наконец вышел из стадии полной стагнации и в нем наметились хотя бы какие-то конструктивные тенденции к его разрешению, его сторонам необходимо заключить отдельный совершенно иной по своей сути и регулятивному потенциалу международный договор, рабочим названием которого может стать *Договор о разграничении морских пространств в зоне ЮКМ*. Его основные положения **должны** в обязательном порядке включать следующие пункты.

Первое – установление и закрепление четких географических границ и географических координат в данной зоне, и проведение делимитационной линии, определяющей зоны ответственности, зоны сотрудничества и зоны суверенитета для каждой из стран-участниц конфликта в ЮКМ.

Второе – закрепление обязанностей каждой стороны соблюдать установленную линию разграничения морских пространств, и не претендовать, а равно не осуществлять какие-либо суверенные права или юрисдикцию прибрежного государства в морских пространствах за пределами этой линии.

Третье – закрепление отдельных положений по вопросам рыболовства и эксплуатации трансграничных месторождений углеводородов в спорных территориях.

Лишь в этом случае данный акт будет обладать существенным регулятивным и правоприменительным потенциалом, а после его ратификации, будет иметь весомое значение для всего региона в целом. Следовательно, для того чтобы реализация подобного международного договора была эффективной для всех стран-участниц конфликта, им необходимо четко обсудить положения и условия о точном прохождении линии разграничения морских пространств между ними с акцентом на делимитацию морских пространств в районах наиболее интенсивного рыболовства и залежей углеводородов. За образец подобного международного соглашения можно взять уже упомянутый договор между Россией и Норвегией о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане 2010 года. Он послужил ярким примером мирного и конструктивного разрешения затяжных международных территориальных споров.

Лишь в этом случае Китай, ратифицировавший такой договор, не будет иметь никаких обоснованных возражений и аргументов, по которым Пекин не будет признавать решения международных судов и трибуналов, поскольку в данном вопросе наступит полная территориальная ясность, которую Китай, ратифицировав подобное соглашения, уже не сможет оспаривать в будущем.

Суммируя, с позиции международного права, решения территориального конфликта может быть найдено, и многолетний спор в ЮКМ может быть разрешен позитивно и конструктивно. Но для этого необходимо волеизъявление всех участвующих в данном споре лиц. И хотя он может быть разрешен с помощью инструментов международного права, геополитические интересы вряд ли позволят подобному исходу дела случиться. Совершенно очевидно, что для Китая с геополитической точки зрения не выгодно подписывать подобный договор, и даже если он и будет когда-то разработан, маловероятно, что китайская сторона пойдет на его подписание. Тогда как в противном случае любые попытки разрешить конфликтную ситуацию в ЮКМ полумерами, которые из себя представляют Декларация и будущий Кодекс, являют собой бесплодные с международно-правовой точки зрения попытки решить вопрос.

1 Это стало возможно после подписания Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане

2 Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (Вместе с "Вопросами рыболовства", "Трансграничными месторождениями углеводородов") (Подписан в г. Мурманске 15.09.2010) // Бюллетень международных договоров. 2011. N 12. С. 79 - 85.

3 Storey I. J. *Creeping Assertiveness: China, the Philippines and the South China Sea Dispute* // *Contemporary Southeast Asia*. 1999. P. 95-118.

4 Joint Communique of the 29th ASEAN Ministerial Meeting (AMM) Jakarta, 20-21 July 1996 [Электронный ресурс] // Association of Southeast Asian Nations. URL: https://asean.org/?static_post=joint-communique-of-the-29th-asean-ministerial-meeting-amm-jakarta-20-21-july-1996 (дата обращения: 02.07.2021).

5 Hanoi Plan of Action – ASEAN [Электронный ресурс] // Association of Southeast Asian Nations. URL: https://asean.org/?static_post=hanoi-plan-of-action (дата обращения: 02.07.2021).

6 Kreuzer P. A. Comparison of Malaysian and Philippine Responses to China in the South China Sea // *Chinese Journal of International Politics*. 2016. Vol. 9, № 3. P. 239-276.

7 Ibid.

8 Lai C. J. Rhetorical traps and China's peaceful rise: Malaysia and the Philippines in the South China Sea territorial disputes. 2019. Vol. 19, № 1. P. 117-146.

9 Liow J. C. Y. Malaysia-China Relations in the 1990s: the Maturing of a Partnership // *Asian Survey*. 2000. P. 672-691.

-
- 10 Hamid: Spratlys Issue Not for ARF Discussion [Электронный ресурс] // New Straits Times. 1999. July 23. URL: <https://academic.oup.com/irap/article-abstract/19/1/117/3979524?redirectedFrom=PDF> (дата обращения: 07.07.2021).
- 11 Emmers R. Geopolitics and Maritime Territorial Disputes in East Asia. Routledge, 2009. 208 p.
- 12 Ibid.
- 13 Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea [Электронный ресурс] // Association of Southeast Asian Nations. URL: https://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2 (дата обращения: 02.07.2021).
- 14 Summary of the Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines. The State Council of the People's Republic of China. URL: Summary of the Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines (дата обращения: 09.07.2021).
- 15 Ibid.
- 16 2002-Declaration-on-the-Conduct-of-Parties-in-the-South-China-Sea.pdf (nus.edu.sg) (дата обращения 07.07.2021).
- 17 Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. ASEAN org. URL: https://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2 (дата обращения: 09.07.2021).
- 18 "Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву" (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // Бюллетень международных договоров. 1998, N 1, с. 3 - 168
- 19 Овлащенко А.В., Покровский И.Ф. Проблемы правового режима Северного морского пути (к проведению Международного полярного года 2007 - 2008 г.г.) // Транспортное право. 2007, N 2.
- 20 Постановление Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926
- "Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане" // СЗ СССР, 1926, N 32, ст. 203.
- 21 Sandro Wirth. A code of conduct for the South China Sea. Pax et Bellum. URL: http://www.paxetbellum.org/2021/03/12/a-code-of-conduct-for-the-south-china-sea/?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=a-code-of-conduct-for-the-south-china-sea (дата обращения: 09.07.2021).
- 22 Carl Thayer. A Closer Look at the ASEAN-China Single Draft South China Sea Code of Conduct. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2018/08/a-closer-look-at-the-asean-china-single-draft-south-china-sea-code-of-conduct/> (дата обращения: 09.07.2021).
- 23 Pedrozo, R. P. (2021). Is a South China Sea Code of Conduct Viable?. International Law Studies, 97(1), 38.
- 24 Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia Indonesia, 24 February 1976. ASEAN org. URL: <https://asean.org/treaty-amity-cooperation-southeast-asia-indonesia-24-february-1976/> (дата обращения: 09.07.2021).
- 25 Ibid.
- 26 Pedrozo, R. P. (2021). Is a South China Sea Code of Conduct Viable?. International Law Studies, 97(1), 38.
- 27 А. Королев, И. Стрельникова. Юбилей Гаагского трибунала по ЮКМ: на стыке геополитики и международного права. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yubiley-gaagskogo-tribunala-po-yukm-na-styke-geopolitiki-i-mezhdunarodnogo-prava/> (дата обращения: 09.07.2021).
- 28 ASEAN deadlocked on South China Sea, Cambodia blocks statement. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-southchinesea-ruling-asean-idUSKCN1050F6> (дата обращения: 09.07.2021).
- 29 Press Release Following the Decision of the Arbitral Tribunal on the South China Sea Issue. Ministry of Foreign Affairs of Malaysia. URL: https://www.kln.gov.my/web/guest/home?p_p_id=101&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&_101_struts_action=%2Fasset_publisher%2Fview_content&_101_returnToFullPageURL=%2F&_101_assetEntryId=8393068&_101_type=content&_101_urlTitle=press-release-following-the-decision-of-the-arbitral-tribunal-on-the-south-china-sea-issue&redirect=http%3A%2F%2Fwww.kln.gov.my%2Fweb%2Fguest%2Fhome%3Fp_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dmaximized%26p_p_mode%3Dview%26_3_redirect%3D%252F

Территориальный спор в Южно-Китайском море:
есть ли свет в конце туннеля или перспективы решения конфликта

%26_3_keywords%3Dsouth%2Bchina%2Bsea%26_3_struts_action%3D%252Fsearch%252Fsearch&inheritRedirect=true (дата обращения: 09.07.2021).

30 <https://www.philstar.com/headlines/2021/05/06/2096287/just-piece-paper-duterte-says-he-will-throw-away-philippines-arbitral-win-vs-china>

313131 Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS) Outer limits of the continental shelf beyond 200 nautical miles from the baselines: Submissions to the Commission: Joint submission by Malaysia and the Socialist Republic of Viet Nam. Oceans and Law of the Sea. United Nations. URL: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_mysvnm_33_2009.htm (дата обращения: 09.07.2021).

**Центр комплексных европейских и
международных исследований НИУ ВШЭ**

www.cceis.hse.ru